

Оливия Штерн

Ведьма с серебряной меткой

Книга 2

♠Глава 1

Хозяйка

Только оказавшись на приличном расстоянии от особняка, Дани поняла, какую глупость совершила.

Совершенно одна. Зимой и без теплой одежды, в одном платье из тонкой шерсти, на ногах изящные туфельки, которые хороши на паркете, но никак не на обледеневшей мостовой. Без еды, без денег.

Она остановилась посреди пустой улицы. Волна механоидов, что в одночасье накрыла город, так же быстро схлынула, оставив после себя лишь ледяное крошево на земле и окровавленные, разорванные тела тех, кто не успел спрятаться. От одного вида растерзанных мертвецов к горлу подкатывала тошнота, а внутри все болезненно сжималось, царапалось, словно железными шипами.

Может быть, вернуться в особняк?

Ньями, конечно, будет проклинать, но Кио не поддерживает мать, а Кио – последний оставшийся мужчина в этом доме, к тому же, наверное, еще и приходится Аламару братом по отцу...

Дани еще раз растерянно огляделась.

Пусто. Страшная тишина. Тот звук, отсчитывающий мерные удары чудовищного сердца, угас и больше не повторялся. Под ногами ломаный лед, щедр сбрызнутый алым. Стены каменных домов исчерканы, исцарапаны металлическими когтями. И лишь надсадно скрипит перекошенная ставня, играя на ветру.

– Что ты сделал с городом, Ксеон? – ошеломленно прошептала Дани, – чем они все виноваты перед тобой? Почему наказываешь всех?

И вновь перед глазами чистое, светлое лицо проклятого принца, который так не похож на своего отца. Но если раньше он казался Дани невыносимо прекрасным, то теперь сквозь идеальные черты проглянуло нечто страшное, темное, чудовищное. Ей вдруг представилось, что он тянется к ней своими руками, а под ногтями – бордовые ободки засохшей крови.

Отвращение было настолько сильным, что Дани согнуло пополам в жесточайшем приступе тошноты. Она едва не задохнулась, пока ее рвало прямо на мостовую, а спазмы внутри все не прекращались и не прекращались.

Потом она, пошатываясь, добрела до ближайшего дома, оперлась руками о стену и

долго
старалась отдышаться, хватая ртом холодный, с металлическим привкусом, воздух.

Надо было что-то предпринимать, но силы стремительно утекали. Хотелось просто
лечь
на дорогу, закрыть глаза и перестать существовать.

«Вот она, цена твоей глупости, — думала она, — жизнь Аламара. Жизни всех этих
несчастливых людей, которым просто не посчастливилось встретить механоидов».

Дани сморгнула набежавшие слезы.

Аламар...

Она не успела полюбить этого человека, но почему-то не могла принять его смерть.
у

Дани было стойкое ощущение, что верховный инквизитор где-то рядом, и что вот-вот
коснется ее щеки. «Не плачь, маленькая».

— Это я во всем виновата, — пробормотала она, — прости меня. Прости...

А потом заставила себя поднять голову. Огляделась еще раз. Как ни странно, мысли
постепенно прояснились. Божественный ореол вокруг принца Ксеона померк
окончательно, как будто пелену с глаз сдернули.

▲«Какая же ты сволочь, — подумала Дани, — ты использовал меня. Ты заставил меня
влюбиться без памяти, а потом просто использовал, зная, что я должна умереть. И
ты
убил всех этих людей... Просто так. Потому что они для тебя — ничто, точно так же,
как
и я...»

Отлепившись от стены, пошатываясь от слабости, Дани побрела дальше по улице.
Сознание помимо воли отмечало раны, оставленные городу бессмертной армией. И
внезапно она поняла, что нужно делать: чудовище, возвращенное собственным отцом,
должно быть уничтожено.

Она еще не знала, как именно это сделает.

Но ей показалось, что где-то на задворках сознания шевельнулась тень, выдающая
присутствие Аламара. Он одобрял такой ход ее мыслей, и Дани взбодрилась.

«Только не уходи окончательно. Мне так важно, чтобы хоть кто-то был рядом со
мной.

Пусть даже ты — всего лишь воспоминание».

Она медленно, спотыкаясь, шла вперед, к площади Вершителей, где ждал ее дом
тетки

Женевьевы и где скалились на прохожих каменные горгульи.

В последний раз она была здесь с ним. Горло сжалось, и глаза предательски
защищало.

Тогда Аламар воспользовался инквизиторской отмычкой, чтобы попасть внутрь.

Дани остановилась перед ажурной калиткой, увитой чугунными розами, легонько

толкнула ее — ну конечно же, заперто. Усмехнулась горько: будет в высшей степени обидно замерзнуть на пороге собственного, считай, дома. Ведь в особняке, в рабочем кабинете, остались документы на владение и, возможно, ключи. Похоже, у нее совершенно не осталось выбора, и придется снова идти, замерзая, выпрашивать у Ньями дозволения забрать то, что принадлежит теперь ей по праву...

«А она еще и дверь не откроет, с нее станется».

Леденящими волнами накатывало отчаяние. Дом, даже нетопленный, даже пустой и заброшенный — все равно крыша над головой, все равно защищает от ветра. А на улице она точно сгинет, замерзнет, или станет добычей тех, кто промышляет по ночам. Всхлипнув, Дани еще раз толкнулась в калитку. Запирающие артефакты пыхнули зловещим зеленым пламенем, и руки как будто обожгло. Дани потерла ладони, отступила на шаг. Еще не хватало быть убитой этими охранными магическими штуками!

«Аламар говорил, что я дала дому жизнь. Но что мне с этим делать?»

Она подышала на онемевшие пальцы, посмотрела на темный фасад.

«Может быть, и не нужен мне этот старый теткин дом?»

Можно ведь пойти туда, где обычно собирались помойные крысы. А вдруг ее старые приятели еще живы?

Дани поморщилась. Нет, не стоит. Даже если кто-то из них и уцелел, они увидят ее красивое платье, увидят тонкую серебряную цепочку на шее с изящным кулоном и тогда либо попросту разденут и бросят умирать на морозе, либо изобьют так, что и сил жить больше не останется. А ведь ей нужно жить, хотя бы для того, чтобы рано или поздно добраться до принца-чудовища...

«Да ты как та лиса и виноград, — усмехнулась она, — и думать забудь про улицу. Этот дом тебе нужен. К тому же, теперь он твой».

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никто не наблюдает за ней, Дани еще раз положила руки на решетку калитки, закрыла глаза. Если Аламар что-то ей говорил, то ведь это он не просто так. Верховный инквизитор, может, и был слегка не в себе, но по большей части рассуждал здраво, в этом Данивьен убедилась на ужине у короля Маттиаса.

— Дом, — одними губами позвала она, впиваясь пальцами в холодное чугунное литье. ♠Она изо всех сил пыталась почувствовать, открыться всему тому, что было вне ее.

Неученая, дикая ведьма.

В ответ — пустота и тишина.

Дани едва не разрыдалась от отчаяния. Нет, конечно же, всегда есть шанс, что помойные крысы отнесутся с пониманием к ее сложному положению. Но путь от помойки к принцу — непреодолимо далекий.

И она попробовала еще раз, мысленно вызывая в памяти образ кокона из цветных ниток.

Они никуда не делись, эти странные нитки, сплетенные невиданным узором. И Дани показалось, что стало тепло, и где-то в груди даже горячо, как будто маленькое солнце раскинуло ласковые лучики. Она еще раз попыталась почувствовать дом, уже сомневаясь — а вдруг Аламар ошибся? — но вдруг что-то мягко толкнуло ее, невесомо, бестелесно.

— Домик, — пробормотала Дани.

Ей представилось, что она, как улитка, выползает из пестрого плетеного панциря, а навстречу — свет, мягкий, завораживающий. И снова теплая волна, теперь уже исполненная любви и светлой грусти.

— Пусти меня, если это ты, пожалуйста, — прошептала она, — и прости... Меня не было так долго...

Что-то звякнуло. Висок ожгло едкой болью, и Дани вывалилась из мягкого света в серый день. Схватила за голову — на пальцах осталась кровь. А запирающие печати, теперь уже потемневшие, словно потухшие угли, осыпались под ноги.

«Так вот чем меня задело», — поняла она.

И вновь толкнула калитку, которая на сей раз поддалась с легким скрипом. Дани скользнула внутрь, прошла к входу.

— Здравствуйте, горгульи, — сказала учтиво и сделала книксен.

Теплая волна накрыла с головой, обняла, закутала в светлое чувство любви.

Перед высокими дверями Дани остановилась, осмотрела их. Запирающие артефакты и здесь сорвало, они осколками валялись на крыльце.

Глубоко вдохнув, Дани приоткрыла тяжелые створки и скользнула внутрь.

— Спасибо тебе, домик.

И всхлипнула. Воспоминания отзывались едкой болью в сердце. Снова хотелось свернуться клубочком, закрыть глаза и парить в небытии. И снова где-то на уровне восприятия она почувствовала Аламара. Легкая тень. Едва осязаемое касание, как от

крыльев бабочки. Внезапно стало страшно. Не должно этого быть, если Аламар мертв.

Невозможно чувствовать человека, которого больше нет. А может быть, она попросту сходит с ума?

Старательно прикрыв за собой двери, Дани медленно пошла вглубь дома.

Все здесь было пусто, тихо. Лохмотья паутины повсюду. Кое-где осталась мебель, отсыревшая, давно испортившаяся. Над печкой в кухне поселилась дружная паучья семья, хотя было неясно, чем они питаются. В одном углу подтекала крыша, и стена пошла яркими пятнами плесени. Дом тихо стонал, жалуясь на свою судьбу.

– Ничего, – сказала Дани, – я все исправлю. Я наведу здесь порядок, и все будет как прежде. Ты только защити меня, домик. До той поры, как я сделаю то, что задумала.

Потом Дани поняла, что очень устала. Она забрела в свою бывшую комнату и, к собственному удивлению, обнаружила там старую кровать. Почему-то ее так и оставили там, как и портрет родителей. Дани потрогала перину и пришла к выводу, что она вполне пригодна для использования. Запылилась, конечно, но даже не отсырела. Фыркая и чихая, она стряхнула пыль. Просыпались воспоминания, и глаза жгло невыплаканными слезами. Когда-то... она лежала на этой кровати, а в окно лился солнечный свет, переплетенный зелеными листьями плюща. И было хорошо, спокойно на душе, как бывает только у детей...

– Я отдохну немножко, – прошептала она, – а ты охраняй меня, милый дом.

Она разулась, забралась в кровать и свернулась клубочком. И так, согревая дыханием руки, начала медленно проваливаться в теплый, словно стеганое одеяло, сон.

Дом не отапливался, но Дани совершенно не мерзла.

У нее по-прежнему не было ни денег, ни еды, но появилась хотя бы крыша над головой.

Дани проснулась поздним утром и долго лежала, глядя в окно. Сквозь пыльные стекла пробивался тусклый свет и было видно небо, жемчужно-серое, затянутое слоистыми, в завитках, тучами.

Хотелось плакать. Так, как и положено слабой женщине – навзрыд, уткнувшись в подушку, так, чтоб душу отвести и слезами вымыть накопившуюся в душе боль. Дани всхлипнула и сжала кулаки. Всю ночь ей снилось, что рядом кто-то большой, сильный, теплый. Кто-то обнимал ее, мягко привлекая к себе, нашептывал неразборчиво на ухо, скользя шершавой ладонью по щекам, по шее. И это было похоже на безумие: она тосковала по Аламару. По человеку, который присвоил ее, чтобы отомстить, которого

должна бы ненавидеть... И как было бы хорошо, останься он дома в то утро. Уж наверняка бы они что-нибудь придумали... вместе... и Дани прогнала бы механоидов, не позволила бы им причинить вред...

Но что толку теперь в этих мыслях?

Нет его больше.

Дани поджала губы, заставила себя выбраться из кровати. Сунула ноги в туфельки – ступням сразу стало холодно. В животе заурчало.

Надо было что-то делать, куда-то идти, пытаться раздобыть еду. Дани оглядела свое платье: конечно, оно примялось за то время, пока она отсыпалась, но по-прежнему выглядело слишком хорошо, чтобы пойти и под видом девушки из бедной семьи поискать какую-нибудь работу. Дани прошлась по дому в попытках найти хоть что-нибудь на замену, хотя бы и мужскую одежду – без толку. Ни лоскутка.

«Значит, придется идти так». – Она вздохнула и быстро заплела косу.

Теперь оставалось как-нибудь договориться с домом, чтобы он ее выпустил, а сам запер двери.

– Домик, – позвала она, прислонив ладони к стене.

Ей показалось, что старая каменная кладка дрогнула и на миг подернулась рябью.

«Да это у меня перед глазами рябит, – догадалась Дани, – от голода, не иначе».

И в этот миг в дверь решительно постучали.

Мгновенно вспотев, она замерла посреди холла. Кто мог сюда прийти? Кто мог знать, что она здесь?!!

Единственно верным решением было сделать вид, что никого нет дома, и Дани затаилась, почти дышать перестала. Стук повторился, деликатный, но настойчивый.

«А если я буду сидеть тихо, они решат, что и правда никого нет», – решила она, невольно сжимая кулаки.

Время шло, но неведомые гости не торопились уходить. Она чувствовала, как кто-то топчется на пороге и тяжело сопит. Снова постучался, отчего по спине поползи мурашки, а в животе стало сладко и тяжело одновременно – как в детстве, когда пряталась от кузена, а он бродил по дому и с руганью ее разыскивал.

Снова стук. И, наконец, голос:

– Госпожа Нирс! Данивьен, если вы здесь, пожалуйста, откройте!

Она выдохнула с облегчением, но теперь уже сердце зашло в сумасшедшем беге. Она

узнала голос: он принадлежал Кио.

– Откройте, госпожа Нирс! – повторил мужчина, – прошу вас!

«Интересно, а с чего он решил, что я здесь?» – Дани все еще мялась напротив дверей.

Ей совершенно не хотелось видеть ни Кио, ни, тем паче, его мать.

«Ах, да. Запирающие артефакты сорваны. А на столе Аламара остались документы...»

Она на цыпочках подошла к двери и спросила в щелку:

– Что тебе нужно, Кио?

– Хвала Всеблаговому! – в его голосе послышалось явное облегчение, – вы живы! Прошу вас, откройте... Я ведь ничего вам дурного никогда не делал.

Дани, поразмыслив несколько мгновений, все же дернула засов, приоткрыла двери и вышла на порог.

– Зачем ты пришел? В городе опасно.

В светло-серых глазах Кио, что были так похожи на глаза самого Аламара, скользнула тень страха.

– Я пришел, чтобы попросить вас вернуться, госпожа Нирс, – глухо сказал он, – особняк теперь ваш.

– Ты шутишь, – она покачала головой, – особняк этот никогда моим не был. Это особняк моего мужа.

– Данивьен, – хрипло сказал Кио, – я всегда служил Аламару, и не позволю погибнуть его жене, только потому, что...

– Потому что из-за нее он и умер?

Тут Дани увидела, что Кио держит в руке корзину, накрытую чистым полотенцем.

– Я не вернусь, – сказала она твердо, – пусть твоя мать будет спокойна на этот счет.

– Она была неправа и раскаивается, – быстро промолвил он, – Данивьен, пожалуйста...

Я должен тебя беречь.

Она вздохнула. На сердце стало горько. К чему теперь все это? Зачем?

– Ты ничего не должен мне, – ответила тихо, – как и я тебе. Я останусь в этом доме. К тому же, как вам наверняка известно, этот дом теперь мой.

– Но... Данивьен, – Кио потрянул головой, – я не понимаю. Как ты проживешь без помощи?

Дани снова бросила осторожный взгляд на корзинку. Чистое полотенце сверху манило,
как будто нашептывало – приподними меня...

– Как и раньше жила, – сухо ответила она, – если ты все сказал, то я, пожалуй, пойду.
У меня... много дел сегодня.

– Ты ненавидишь мою мать, – заключил Кио.

– Вовсе нет. Это она ненавидит меня. А я просто не хочу иметь дел с теми людьми, которые меня ненавидят, хоть и заслуженно.

▲– Не говори так! – в голосе Кио натянутой струной звенело отчаяние, он сжал пальцами переносицу, – я не знаю, как загладить поступок моей матери, Данивьен. Но я
очень, очень тебя прошу. Вернись. Я буду о тебе заботиться до конца дней своих, чего бы
это мне не стоило.

Она вдруг поняла, что сейчас расплатится. Жаль ей было Кио. Жаль оттого, что упрасивает, унижается зазря. Она подняла голову, смело встречая его растерянный взгляд.

– Мне не нужна твоя забота, – ответила твердо, – уходи. Возвращайся в дом мастера
Нирса.

– Подожди! – хрипло прошептал он, – Данивьен, пожалуйста... Я подозревал, что ты не
захочешь... Но тогда возьми хотя бы еды.

И протянул корзинку.

О-о-о, это было самое заманчивое предложение за последнее время. Рот моментально наполнился голодной слюной, перед глазами все поплыло – и Дани непременно бы грохнулась в обморок, не подхвати ее Кио под локоть.

– Данивьен! Что с вами, госпожа...

Внезапно разозлившись, она изо всех сил оттолкнула руку Кио.

– Уходи! Мне ничего... ничего от вас не нужно, понятно? И не приходи больше, я не вернусь...

Воспользовавшись секундным замешательством мужчины, Дани шмыгнула обратно в дом, заперла дверь и грохнула засовом. Прислонилась к деревянной створке, тяжело дыша.

Ох, это было так глупо, отказываться от еды.

Но в то же время она понимала, что еду собирала Няями, и что, прими она эту

подачку,
это будет первым шагом к примирению.

А мириться не хотелось.

Хотелось просто... быть подальше от Ньями и Кио, потому что она нутром чувствовала,
что по-прежнему чужая, презируемая, ненавидимая. Что бы он там ни говорил.

– Данивьен!

Кио стукнул кулаком по двери.

– Что ж ты делаешь? – уже тихо, почти шепотом, – зачем ты это делаешь? Хочешь себя голодом уморить? Мать говорит, что ты, быть может, носишь ребенка господина Аламара. Так что ж теперь, и его в могилу?

Из глаз словно искры брызнули.

– Уходи! Уходиинииини!

И, рыдая, она привалилась боком к стене. Корзина, казалось, вкусно пахла даже сквозь дверь, хотя это было невозможно. Желудок снова свернулся в замысловатую фигуру, намекая на необходимость поесть.

Дани положила руку на свой совершенно плоский живот и попыталась прислушаться. А что, если правда? Что тогда?! Что она будет делать одна с этим ребенком, когда Аламара больше нет?

Тишина. Она ничего не почувствовала. Ну, бывает же и так, что после соития с мужчиной беременность и не наступает...

Дани снова прижалась головой к дверям и прислушалась.
♠Кио все еще топтался за дверью, потом ушел.

Она отважилась высунуть нос на улицу только спустя несколько часов. Зимний день мягко, словно на санях, скатывался в сумерки. На той улице, где стоял дом, по-прежнему было пустынно, горожане не торопились покидать убежища, но где-то уже раздавался лай собак, трепетали обрывки голосов на ветру. В столицу медленно возвращалась жизнь. Корзинка, что принес Кио, так и осталась стоять на крыльце.

Дани зябко поежилась, обхватила себя руками за плечи и уверенно зашагала по улице.
Ей хотелось найти какую-нибудь лавку, или ресторан, чтобы попроситься туда на работу,
а заодно попытаться добыть еды. Воспоминания возвращались. Она знала, что люди, хоть и ненавидят попрошайек, иногда все же бывают добры.

Первой встретилась булочная с румяным калачом на вывеске. Дани толкнула дверь, но

оказалось заперто. Тогда она постучалась. Холодный ветер пробирал до костей, зубы начинали выстукивать барабанную дробь.

– Кто там? – раздался испуганный женский голос.

– Откройте, пожалуйста! Я ищу работу. Умею помогать по хозяйству, убираю, готовлю...

– Нам никто не нужен, – ответили через некоторое время.

– Ну тогда... не могли бы вы мне дать немного хлеба? – надежды таяли стремительно, как лед по весне.

По ту сторону двери воцарилась короткая пауза. А потом:

– Много вас тут, крыс, расплодилось! Пошла вон, попрошайка, не то мужа позову, он тебя так отделает, что мало не покажется!

– Понятно, – пробормотала Дани. В общем, результат был вполне предсказуем, но при этом неприятен.

Она пошла дальше.

По обе стороны от дороги начинались дорогие магазины, и чем дальше Дани шла, тем сильнее становилось понимание того, что надо поворачивать обратно. В такие места не берут людей с улицы, только своих, только проверенных, тех, кто уж точно не соблазнится колечком или подвеской. А потом вдруг стала как вкопанная: витрину одного магазина она узнала. Именно здесь Аламар купил ей белую шубу и колье...

Несколько минут она стояла, собираясь с духом, а потом решительно постучала в дверь.

Сперва была тишина, а потом раздалось гулкое:

– Что надо?

Дани ответила не сразу, судорожно перетряхивая собственную память в поисках имени.

А, вспомнив, ответила:

– Хельгерда, откройте, пожалуйста! Это я, жена господина Аламара!

Время словно замерло, застыло тягучей медовой каплей.

«Пожалуйста, не прогоняй меня, – мысленно взмолилась Дани, – пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!»

И Всеблагий сжалился. Звякнула отодвигаемая щеколда, дверь приоткрылась, и из полумрака магазина на Дани надвинулась внушительная фигура хозяйки.

– О, боже! Госпожа Нирс, что с вами? И что... где ваш муж?

«Узнала», – выдохнув с облегчением, Дани умоляюще посмотрела на Хельгерду.

Конечно, последние события не прошли даром ни для кого: женщина как будто осунулась и похудела враз, морщины на лице прорезались глубже, уголки губ скорбно опущены.

– Пустите меня, – попросила Дани, – мастер Нирс погиб. Его убили механоиды. А я... ушла из его дома, и теперь...

Она не успела договорить. Мощная рука Хельгерды сгребла ее в охапку и затащила внутрь, в тепло.

– Деточка, что ж ты будешь теперь делать? – услышала Дани.

Они прошли внутрь магазина, Хельгерда кивнула на стул.

– Садись, сейчас сварю кофе. Здесь-то у меня и еды не водится... Так что последние пару дней я, считай, на кофейной диете, – сказала женщина и по-военному широким шагом вышла.

Дани осмотрелась, быстро нашла у стены обогревающие магкристаллы и, подвинув стул туда, вытянула к теплу озябшие ступни.

«Еды у нее нет, – билось в висках, – ну ничего, я потерплю. Я ж привыкла терпеть, потерплю еще немного».

Потом в помещение вплыл густой аромат свежесваренного кофе, а следом и Хельгерда с парой керамических кружек.

– Ни крошки еды, – бодро сказала она, – вот только несколько конфет нашлось.

Дани обхватила ладонями горячую кружку, сделала глоток обжигающе-горячего напитка.

– Спасибо, Хельгерда. Вы меня просто спасли.

– Да что уж, – женщина медленно прихлебывала свой кофе, а потом приказала:

– Деточка, рассказывай. Я не совсем понимаю, почему ты ушла из дома своего мужа. Аламар был очень богатым человеком, ты бы всю жизнь как в масле каталась.

– Не нужно мне такое масло, – Дани захрустела карамелькой и почувствовала себя почти счастливой, – дело в том, что...

И рассказала все, начиная с того момента, как едва не утопла в ванной.

– Я не хочу... я не могу туда вернуться, понимаете? С одной стороны, я понимаю, что

моя вина перед Аламаром... ее не искупить. Никак и никогда. Но жить в ожидании, когда

Ньями в очередной раз плеснет ненавистью, тоже не хочется.

— Понимаю, — протянула Хельгерда, — несчастный цыпленочек... Эк тебя угораздило. Но шубу-то могла и не оставлять в особняке, между прочим. Мастер Аламар, да пребудет

он в свете господ нашего Всеблагого, тогда отвалил за нее целое состояние. И кольцо

тоже недешевым было.

Дани только головой затрясла.

— Что мне эта шуба теперь, когда его нет? О, я бы все отдала, лишь бы только...

«Он был жив», — закончила про себя. И сама удивилась тому, что, начинаясь со страха и

боли, зародившаяся привязанность оказалась столь крепкой.

— Понимаю, — протянула женщина. Окинула Дани внимательным взглядом, — так чем я могу помочь-то?

— Я... мне... очень нужна работа, Хельгерда, — прошептала Дани и опустила глаза, — я понимаю, что прошу очень много, но... вы единственная, кто может помочь.

Воцарилась тяжелая, давящая тишина.

«Откажет», — решила Дани, и на душе сделалось так горько, что хоть волком вой.

▲— Да не вопрос, — сказала Хельгерда, — мне как раз не помешает помощница. С мехами

столько возни, надо постоянно следить, чтобы артефакты были заряжены, не то моль будет пировать.

— Вы... вы правда согласны? — Дани внезапно охрипла, — о, я так благодарна! Вы не пожалеете, клянусь! Я ведь... все умею, все. И готовить, и убирать.

Хельгерда отставила в сторону кружку и чуть заметно улыбнулась.

— Жалко мне тебя, детка. Ты по возрасту как моя дочка... так что...

— А ваша дочка... — Дани запнулась, подумав вдруг, что Хельгерда могла и потерять своего ребенка, и спрашивать об этом даже неприлично.

Хозяйка магазина махнула рукой.

— Да жива она, жива, эта стервь. Наплевала на родную мать и укатила с тем хлыщом, как бишь его там...

Дани покинула магазин ближе к вечеру и поспешила домой. За спиной как будто крылья

выросли: Хельгерда пожертвовала ей шубку, а в карман этой шубки вложила серебряную

крону в качестве аванса.

Город начал оживать к вечеру. На улицах появились первые прохожие, кое-кто открыл лавку, так что Дани забежала в булочную и на пол-кроны купила себе яблочный пирог, а потом потратила еще четверть на бутылку молока.

«Ну вот, — думала она, хрустя ледяным крошечком, — все наладится. Я все смогу. Сама».

И тут же мелькнула мысль, что Аламар мог бы ей гордиться — так, совсем чуть-чуть.

Прижимая к груди сверток с продуктами, она скорым шагом пересекла улицу и свернула в узкий проулок, который должен был привести ее к площади Вершителей. В животе урчало, а от пакета с пирогом пахло так, что рот был полон слюны, но Дани твердо решила, что доберется до дома и уже там устроит себе пиршество. С упоением вдыхая аромат свежей выпечки и чувствуя, как слегка кружится голова, она почти бежала вперед, совершенно не глядя по сторонам.

И именно поэтому слишком поздно заметила ловушку.

Она так и не поняла, из какой дыры, или щели вынырнули в проулок две тени. Тощие, оборванные и скалящиеся как смерть.

Они взялись как будто ниоткуда, но уже в следующее мгновение решительно преградили ей путь.

— И куда это спешит такая цыпочка? — заржал первый, и Дани, мгновенно покрывшись ледяным потом. Во рту у него все зубы совершенно гнилые, черные.

— Наверное, несет бабушке пирожки и горшочек масла, — противно хихикнул второй, свирепо сверкнув черными глазами.

Дани чудом увернулась от грязных рук, рванула в противоположную сторону, назад, на площадь — но поняла, что не успеет. Дорога назад уже была перекрыта. И тоже двое, один медленно идет к ней, а второй, огромный как медведь, прислонился спиной к стене и зубочисткой ковыряется во рту.

Ноги моментально сделались ватными. Дани остановилась, тоже попятилась, разворачиваясь спиной к дому и выжидая. Так уже бывало с ней... тогда, намного раньше, когда жила на помойках, и именно поэтому она очень хорошо понимала, что надо ускользнуть от них. Стоит дать слабину — и все, ты труп, изуродованный труп, который полиция когда-нибудь разыщет и отправит в общую могилу для нищих.

В конце концов, она маленькая и шустрая. Если сильно повезет, то увернется,

прошмыгнет под их руками...

– Цыплечееееек, – мечтательно протянул тот, с гнилыми зубами, – ах, как долго я мечтал о такой птичке. Снимай шубу, цыпа.

«Так даже лучше, – мелькнула мысль, – будет проще бегать».

Дани выбросила вперед руки в примиряющем жесте.

– Хорошо, хорошо. Забирайте. Только дайте мне пройти.

Она быстро положила пакет с едой на мерзлую землю, скинула шубку и, размахнувшись, бросила ее в сторону грабителей.

Те переглянулись. Черноглазый поднял добычу, быстро пошарил по карманам и достал четверть кроны.

– Это что, и все?

– Шуба дорогая. Наверняка у этой малышки кошелек на поясе.

– Нет никакого кошелька, – судорожно сглотнув, ответила Дани, – у меня больше ничего нет. Отпустите, а?

Ее накрыло страхом, но она еще боролась. Нельзя. Нужно быть сильной и ловкой, и только в этом случае она уйдет живой.

– Покладистая малышка, – с удовольствием заметил тот, у кого гнилые зубы, – люблю покладистых женщин. Но нам деньги нужны, цыпа.

– У меня нет больше денег! – выкрикнула Дани, – ничего больше нет!

Они снова переглянулись.

А Дани, улучив момент, бросила взгляд в сторону того, который походил на медведя. Он все так же стоял, прислонившись к стене, и все так же ковырялся в зубах, делая вид, что все происходящее его не касается.

– Ха, цыпа, а ты не врешь? Надо тебя обыскать...

Они все подходили и подходили, медленно, крадучись, словно шакалы. Дани сжалась пружиной. Вот он, этот миг, ее последний шанс...

– Ты гляди, у нее на шее цацка.

– Ее тоже заберем...

– И колечко.

Пискнув, она поднырнула под протянутую руку и со всех сил рванула туда, где путь

уже
был свободен. Шаг. Другой. Пульс грохочет в ушах, отмеряя мгновения.

...И жесткие руки, перехватившие поперек туловища.

Все-таки не смогла, попалась.

– Отпустите! – крикнула она, но из горла выполз сдавленный хрип, – помогiiiiите!

– Сладкая цыпочка, – ужасные, отвратительные руки шарили по телу, – мmmm, сочная сладкая цыпочка. Кривой, держи побрякушку. Да, и колечко надо снять.

Шею ожгло болью, и из глаз брызнули слезы. Кулон, который купил Аламар...

– Нееет! Отдай! Отдай немедленно!

И, развернувшись, пропахала ногтями грязную физиономию.

– Ах ты сука!

Скулу ожгло болью, голова мотнулась, и на миг перед глазами все померкло.

— Ну все, цыпа. Я хотел быть с тобой нежным, но уже не получится.

— Помогите! — прохрипела Дани, понимая, что ее уже никто не услышит, а если и услышит, то точно не поможет.

Горожанам сейчас не до нее. И полиция наверняка далеко.

Спина больно ударилась о лед, Дани извернулась ужом, поползла на локтях, поднимаясь... проклиная свою медлительность, и это длинное тяжелое платье. Ее дернули за шкурку, снова швырнули на спину.

— Не трогай меня! — взвизгнула она, пнула ногой наугад, не глядя. Подонок утратил свои очертания, был как грязное пятно. Раздался поток брани, видать попала хорошо.

Дани снова поднялась на четвереньки, затем и вовсе выпрямилась, но ее тут же схватил
черноглазый, больно сжал грудь.

— Слышь, Кривой... Я после тебя.

Дани резко закинула голову назад, затылок с хрустом врезался во что-то, и бандит взвыл

не своим голосом, ослабив хватку. Дани вывернулась из его рук, но ее снова схватили.

Она вырывалась и царапалась, но тот, грязный, с гнилыми зубами, теперь уже держал крепко. Прошептал на ухо, обдавая смрадом:

– Ну что, кошечка, добежалась? Была бы покладистой, мы бы с тобой повеселились и отпустили. А теперь...

И Дани ощутила, как к горлу прижалась холодная сталь.

Перед глазами все поплыло. Она осознавала, что именно с ней сейчас сделают эти отморозки, но не могла ровным счетом изменить. Слезы так и брызнули из глаз.

– Не надо... пожалуйста...

– А, вот ты как теперь заговорила, – удовлетворенно хмыкнули за спиной.

И Дани почувствовала, как ей задирают подол.

Сердце, казалось, подпрыгнуло к самому горлу, во рту разлился вкус железа. Серая стена дома внезапно накренилась, расплываясь, как будто охватывая ее. А потом накатило небытие.

♠Глава 2

Его Величество Ксеон

Сидя за столом верховного инквизитора, Ксеон испытывал настолько сложные и смешанные чувства, что их просто невозможно было облечь в слова.

Оттого, что все закончилось слишком уж легко и быстро, осталось легкое, с горчащим привкусом, разочарование.

Возможно, именно легкость победы и притупила чувство триумфа, которое он бы должен был испытывать, когда широким жестом сгреб на пол кипы документов.

Чего-то не хватало. Ксеон не мог понять, чего же именно, но это чувство неполноты было вязким, липким и неприятным, тянулось за ним клейкими нитями, бесило. Снова и снова он задавался вопросом – все удалось. Ты король. Так чего тебе еще надо?

Возможно, все было бы по-иному, оставь он в живых Маттиаса (называть этого человека отцом уже просто язык не поворачивался). Тогда низложенный король отправился бы на остров, в замок Энц, и вот бы посмотреть на его вытянувшуюся физиономию и выпученные глаза. Увы. Механоиды быстро расправились с мягкотелыми людьми. На том полигоне осталось крошево костей и обрывки плоти, поди пойми, где кто.

А может быть, Ксеону не хватало Аламара, ползающего на коленях и молящего о пощаде. Драконья лапа смяла инквизитора, переломав кости, и наверняка Аламар потерял сознание еще до того, как осознал поражение. Жаль. Хотелось расхохотаться ему в лицо. Ты, ублюдок, думал, что лишил меня свободы? Так ты сильно ошибся...

И только ворох ненужных теперь бумаг на полу, раздражающе-яркий свет магкристаллов и навязчивый запах осенних яблок и костров, как будто самый сильный контролер королевства все еще здесь...

– Вилферс! – гаркнул Ксеон, – Вилфе-е-е-ерс!

Инквизиция восприняла собственное поражение с достоинством. Вернее, не так. Они быстро сообразили, что неразумно противостоять новому королю. Погибших причислили

к бунтовщикам и изъявили желание служить верой и правдой, присягнув на верность. Ксеон назначил новым верховным инквизитором самого себя, а в помощники взял молодого мага-контролера среднего уровня. Выбирал, пристально наблюдая за всей этой

стаей воронья: Вилферс держался обособленно и когда смотрел на коллег, время от времени презрительно кривился, так, словно все они ему в подметки не годились.

«Он их едва терпит, – подумалось тогда, – а значит, будет внимательно следить за всем происходящим и доносить мне».

Дверь в кабинет бесшумно отворилась, и упомянутый Вилферс возник на пороге подобно

тени. Он был худым, долговязым и имел крайне нездоровый цвет лица, что в совокупности с застывшим на нем кислым выражением вызывало оскмину.

Всклоченные и торчащие наподобие вороньего гнезда волосы придавали Вилферсу вид

свихнувшегося гения от магии. Возможно, именно так оно и было.

– Ваше величество, – он склонил голову выверенным движением, – я к вашим услугам.

Ксеон положил ладони на стол. По-прежнему в кабинете ему мерещились запахи яблок,

палых листьев и костров, и это раздражало, дергало невидимые, но очень чувствительные струны где-то глубоко внутри.

Ну почему Аламар Нирс не мог исчезнуть бесследно?

– Вилферс, – тяжело произнес Ксеон, – я хочу, чтобы за время моего отсутствия... за

время моего присутствия во дворце ты навел порядок в бумагах и отчитался об их содержанием.

Маг кивнул.

– Будет сделано, ваше величество.

♣– Второе, – Ксеон вздохнул, – я даю вам месяц на то, чтобы вы отловили и предали

огню всех тех менталистов, которые все еще разгуливают на свободе.

Брови Вилферса чуть заметно дрогнули, и это было единственное, чем он выдал свое удивление. Ксеон хмыкнул. Разумеется, странно слышать подобные вещи от менталиста,

прибравшего к рукам армию механоидов.

Но ведь все вполне предсказуемо. К чему королю Ксеону конкуренция?

По этой причине охота за менталистами продолжится. И все они отправятся на

костер,
как и положено темным магам.

– Тебя что-то удивляет, друг мой? – вкрадчиво проговорил Ксеон, не сводя глаз с инквизитора.

Но Вилферс, если и был удивлен таким поворотом событий, ничем больше себя не выдал.

Его широкоскулое лицо как будто окаменело.

– Ничего, сир. Все будет выполнено, ваше величество.

– Вот и славно, – Ксеон растянул губы в улыбке и поднялся, – а теперь я желаю осмотреть тюрьму инквизиции.

Брови Вилферса снова чуть заметно дрогнули, но он ничего не сказал, лишь глубоко поклонился.

Им не нужно было идти далеко. Тюрьма располагалась здесь же, глубоко под фундаментом здания, по соседству с допросными и пыточными. Ксеон невольно усмехнулся: вот так, все под рукой, очень удобно.

Здесь, в подземелье, было сумрачно и прохладно, и как будто сам воздух пропитался магией контроля: кожу неприятно покалывало. А если бы не артефакты, которые он носил, не снимая, под одеждой?

Словно угадав его ощущения, Вилферс подал голос:

– Уже недалеко, ваше величество. По большому счету, тюрьма пуста, занято лишь несколько камер.

– И кто там?

– Три менталиста, сир. Отловили недавно. И еще одна девица из благородных.

– Хорошо, идем смотреть, – Ксеон мимоходом провел пальцами по шершавой, пронизанной магией стене. Рука моментально задеревенела, пришлось пару раз встряхнуть кистью, чтобы сбросить чужеродную магию. – А что за девица-то?

Вилферс помолчал. Затем ответил неохотно:

– Мастер Нирс приказал ее посадить в подземелье за то, что она натравила своего карманного механоида на его жену.

Ксеон хмыкнул.

Оказывается, слухи о женитьбе верховного инквизитора оказалась правдой.

А если Аламар упек в подземелье деваху, покусившуюся на его супругу, значит... было в ней что-то, в этой неведомой жене инквизитора? Нечто такое, чем проникся совершенно сбрендивший инквизитор?

В душе медленно поднимало голову любопытство, болезненное, нездоровое.

Чем еще можно унижить поверженного врага? Только присвоить то, что было ему дорого.

— Скажи, Вилферс, а ты видел ее? Ну, жену мастера Нирса? — осторожно поинтересовался Ксеон.

▲— Нет, ваше величество. Он ее никому из нас не показывал. Однако, ее видели с ним во дворце. Говорят, молоденькая и хорошенькая, но совершенно безродная. Говорят, мастер Нирс свою кровь с грязью смешал.

— Ну, раз смешал, значит было ради чего, — хмыкнул Ксеон и замолчал.

А про себя отметил, что надо бы повелеть вдовушке явиться ко двору и посмотреть на нее более внимательно. Льер это, конечно, вряд ли понравится, ну да наплевать. Льер — корону, а ему, Ксеону, фаворитку в постель, чтобы грела по ночам. Ну а то, что это жена Аламара, будет подогревать еще больше.

Они добрались до длинного коридора, тонущего в вязком жирном мраке. Вилферс взял с полки лампу с магкристаллом внутри и пояснил:

— Менталисты по правую руку, сир. А девка по левую.

— К темнейшему менталистов, — буркнул Ксеон, — я уже объяснил, что с ними нужно сделать. Показывай девку. Кто она вообще?

— Эверси, Бьянка Эверси.

— Это же древнейшая семья, разве нет?

— Да, весьма, — согласился Вилферс бесцветно.

— И, тем не менее, Аламар посмел засадить ее сюда... Любопытно, любопытно...

А мысли вновь вернулись к жене инквизитора. Неужто настолько оказалась хороша, что Аламар из-за нее так обошелся с высокородной девицей?

Наверное, и правда хороша, но он все это выяснит чуть позднее.

А сейчас...

Вилферс остановился у широкой железной двери, тронутой ржавчиной, и зазвенел ключами, отстегивая их от пояса. Ксеон прислушался. Из-за двери не доносилось ни звука, и закралось сомнение — может, померла деваха, не выдержав пребывания в холодном подземелье?

Потом раздался скрип плохо смазанных петель, свет магкрystalла выхватил широкий треугольник из густого мрака камеры. В этом серебристом, так похожем на лунный, свете мелькнуло бледное пятно, как будто платье.

– Госпожа Эверси, – позвал Вилферс, – извольте преклонить колена перед королем.

Тишина.

А потом совершенно беспомощный, детский всхлип.

– Перед королем? – тонкий голосок дрожал, – сам король пришел вызволить меня отсюда?

– Успокойтесь, дитя мое, – сказал Ксеон, – я действительно всем сердцем желаю вызволить вас. Подойдите ближе.

Снова тишина, мрачная, гнетущая. Ксеон передернулся: ему вдруг пришла в голову мысль о том, что это и не Бьянка Эверси с ним говорит, а ее бестелесный призрак, в то время как косточки самой Бьянки уже обглаживают крысы.

Что-то зашуршало в темноте, а потом на свет шагнула совсем юная девушка. Шагнула – и тут же упала на колени, светлые волосы тяжелой волной рассыпались по плечам.

– Ваше Величество...

– Ну же, милое дитя, поднимитесь.

Он приподнял пальцами ее узкий подбородок, убрал с лица спутанные волосы. ♣Бьянка Эверси была прехорошенькой, словно дорогая фарфоровая куколка. Одни огромные светлые глаза в пушистых ресницах чего стоили. Ксеон тут же пообещал себе обязательно уделить побольше внимания этим глазам при свете дня, чтобы рассмотреть их истинный цвет.

– Всеблагий, – пробормотал он, – я смотрю, мастер Нирс окончательно лишился рассудка, если запер в подземелье столь совершенную красоту.

Бьянка от этих слов поникла, узкие плечики опустились.

– А где... мастер Нирс? – спросила едва слышно.

– Он умер, – ответил Ксеон, – равно как и его величество Маттиас.

Взгляд Бьянке недоверчиво метнулся вверх, и на нежном, но грязном личике вдруг расцвела совершенно неуместная, хищная улыбка.

– Умер? – переспросила она хрипло, – но как же...

– Говорят, вы не особо жаловали его жену, – усмехнулся Ксеон.

– Не особо, – согласилась она, – простите... мне тяжело говорить обо всем этом.

– Так я и не заставляю вас говорить сейчас, дорогая Бьянка. Сейчас вы поднимитесь с нами из этого жуткого места, вас отвезут домой, к родителям. А потом я жду вас во дворце. Ну же, поднимайтесь...

Он подал ей руку, и она вцепилась в ладонь так, что даже оцарапала. Ногти у Бьянки оказались весьма жесткими и острыми. Ксеон поморщился, но ничего не сказал. В конце концов, семья Эверси всегда была предана его отцу... Теперь эти люди будут боготворить его, Ксеона, за возвращение дочери.

Но все же не удержался, спросил, ведя Бьянку по лестнице вверх:

– И как вам жена мастера Нирса?

– Беспородная сучка, – пробормотала благородная девица Эверси, – ой, простите, ваше величество. Я хотела сказать, простовата. Но личико смазливое, мужчины таких любят.

Ксеон улыбнулся в полумрак. Становилось все интереснее и интереснее.

Он обязательно посмотрит на женушку Аламара, а потом решит, что с ней делать дальше.

... Когда подземелья закончились, и в глаза брызнул мягкий дневной свет, Бьянка не выдержала и разрыдалась. Она плакала так безутешно, что Ксеон приобнял ее за вздрагивающие плечики, легонько притянул к себе. Головка девушки как-то очень естественно легла ему на грудь, тонкие пальчики вцепились в сюртук.

– О-о-о, – простонала Бьянка, – я... простите... все еще не верю... мне казалось, что он сгноит меня там.

– Но его нет больше, – заметил Ксеон, медленно отстраняясь.

Достал из кармана платок с гербом королевской семьи, мягко промокнул Бьянке слезы.

Глаза у нее были чудесные – чистого и густого голубого цвета, ну просто драгоценные топазы. И личико, сейчас покрасневшее, с пролеглими дорожками от слез, тоже породистое, аккуратное. Пожалуй, даже слишком аккуратное, лишенное какой-либо неправильности.

Бьянка судорожно прижалась губами к его руке.

– Ваше величество... спасибо... Это такое счастье, оказаться на свободе.

«Еще бы», – подумал Ксеон.

♣В этом он был полностью согласен с Бьянкой. Только вот его счастье все еще

казалось
неполным, не хватало чего-то очень важного. А может, наоборот, он сделал больше,
чем
следовало?

В этот момент в конце коридора появилось еще одно действующее лицо, герцог Салливан, которого Ксеон назначил министром тайной полиции.

Разодетый как павлин, Салливан казался совершенно неуместным в этих мрачных стенах. Ему бы на балах блистать, да женщин соблазнять. Глядя на то, каким утонченным движением герцог подносит к лицу пропитанный духами носовой платочек, Ксеон даже начинал сомневаться в том, а нужны ли Салливану женщины. Впрочем, эта сторона жизни подданных была ему малоинтересна, куда интересней было совсем другое.

– Вилферс, позаботьтесь о девушке, – коротко приказа он.

Не отказал себе в удовольствии скользнуть ладонями по нервной спине Бьянки, ощутить
живое, трепещущее под пальцами тепло ее тела, а потом пошел навстречу Салливану.

– Герцог.

– Ваше величество.

Поклон, выверенный до мелочей. Расшитый серебром сюртук заиграл на свету сотнями крошечных солнц.

– Вы пришли доложить о том, что все сделано?

– Да, Ваше Величество. Все, как вы приказали.

– Он... сопротивлялся? – все же спросил Ксеон, хоть и было по большому счету наплевать.

Салливан презрительно хмыкнул.

– Мужчины сопротивляются, сир. А это... сложно даже человеком назвать.

– Отлично, отлично, – Ксеон потер ладони. Все шло по плану.

Когда разъяренная Льер ворвалась в рабочий кабинет, Ксеон был готов к разговору. Он
переплел пальцы рук и оперся на них подбородком. Отметил, что прическа Льер совершенно неприлично растрепалась, щеки покраснелись и глаза сверкают. Такой, хоть на миг, но утратившей самообладание, она ему почти нравилась.

Маленький кулачок обрушился на столешницу, Льер нависла над ним, тяжело переводя дыхание. От нее по-прежнему пахло летом и цветами, а одна пуговка на вороте была кокетливо расстегнута.

– Ты что творишь?! – рыкнула она, напрочь отменяя все очарование момента.

В самом деле, он почему-то постоянно забывает, что перед ним не красивая,

покорная и
податливая женщина, а инквизитор в юбке, да еще и с ого-го какими железными
яйцами.

И глазом не моргнув, Ксеон тепло улыбнулся принцессе.

– Дорогая, что случилось?

Голос Льер вмиг скатился до хриплого шепота.

– Ах, ты еще и делаешь вид, что это не твоих рук дело?

Ксеон пожал плечами. Бросил взгляд на двери – их уже аккуратно прикрыли с той
стороны, как он и приказывал.

– Не понимаю, о чем ты, – промурлыкал он, откровенно любуясь Льер.

▲Принцесса, конечно, горячая и необъезженная, но все равно красивая. И эти
розовые
пухлые губы, которые она так соблазнительно кусает, и светлая, без малейшего
изъяна,
кожа. Ксеон вдруг представил себе, как зарывается пальцами в ее пламенеющую
гриву,
запрокидывая голову, и слизывает вкус лета с белой нежной кожи на горле. Образ
получился настолько ярким, что он невольно поерзал в кресле. Длительное
воздержание
давало о себе знать.

– Не понимает он! – Лье сердито поджала губы, и выплюнула следом, – доктор
Мельхольм убит! Хочешь сказать, что ты здесь не при чем? Попробуй, убеди меня!
О,
какой же ты подонок, Ксеон... Сделка должна была быть честной!

– погоди, – он выбрался из-за стола. Быть ниже Льер не нравилось, хотелось
смотреть
на нее сверху, – может, объяснишь хотя бы, что происходит? До того, как
переходить к
оскорблениям короля?

Льер сверкнула глазами. Ее руки были сжаты в кулаки, и Ксеон подумал, что вот
сейчас
она на него и набросится, пытаясь выцарапать глаза, ну или что еще там женщины
любят делать. Вокруг Льер волнами расходилась ярость, он мимоходом подумал, что
вот
ее бы на благое дело... А она возмущается гибелью упря так, словно только что
отца
родного потеряла.

– Зарезан! У борделя! – зло прошипела Льер, глядя в глаза.

– Ну так и что? Возможно, кто-то из клиентов приревновал, – Ксеон старался
говорить
спокойно, но уже хотелось смеяться. Представление получалось шикарным.

– Дуру из меня не делай, а? – она подошла почти вплотную, дышала тяжело, –

Мельхольму нечего было делать в борделе! Он вообще к женщинам никогда не притрагивался.

Вероятно, Ксеон недостаточно хорошо владел собой, потому что Льер зло ухмыльнулась.

— О, да ты не знал этого... когда подсылал убийц, когда приказывал подбросить тело ближе к шлюхам! Да, Мельхольм любил мальчиков. И он никогда бы добровольно к бабе не подошел! И ты, ты...

— Ты можешь говорить что угодно, но я не собираюсь брать на себя вину за то, чего не совершал, — сухо ответил Ксеон, злясь на то, что она его все же разгадала, — да и потом, раз уж Мельхольм предпочитал мальчиков, тебе-то что с его смерти?

Льер вскинулась. В светлых хризопразовых глазах плескалась такая жгучая ненависть, что Ксеон почти ощутил, как этот яд просачивается сквозь кожу и кислотой растекается по венам. Его передернуло.

— Он был моим учителем, — тихо и вкрадчиво сказала Льер, — моим лучшим учителем. Впрочем, тебе не понять... Да и не в этом дело. Что ты себе позволяешь? Мы ведь договаривались...

— Мы договаривались о том, что ты станешь королевой, — оборвал ее Ксеон, — и мы не договаривались о том, что я буду терпеть рядом с собой упыря, который копается в мертвечине, и здоровяка, который привык тебя трахать. Привыкай к тому, что король не должен быть рогоносцем.

Льер сжала челюсти с такой силой, что зубы заскрежетали. Побледнела, кровь разом отлила от ее щек.

— Ты... — выдохнула, — да как ты... смеешь?!!

— Я король, я все смею.

И тут Льер сорвалась. Она резко замахнулась, но Ксеон перехватил тонкую руку, с силой завел за спину, заваливая Льер лицом на королевский письменный стол.

— Пусти! — взвилась она, ухитрилась пнуть под коленку, и тут Ксеона окончательно повело. Перед глазами словно плеснули алой краской. Он еще сильнее заломил назад руку Льер, уже намеренно причиняя боль, навалился своим весом, шепча на ухо:
♣— Пришла пора расставить все по местам, принцесса. Здесь я — король. И мне решать, быть ли тебе королевой. Или не тебе. Или еще кому-нибудь...

— Ты обещал, — прохрипела она, — отпусти немедленно! Шан тебя...

– Смотри, с ним ведь тоже может что-нибудь плохое случиться, – он усмехнулся, – все это время ты не проявляла достаточного почтения к моей монаршей особе, плела свои интрижки у меня за спиной. Настало время показать тебе, кто ты есть на самом деле, и какова твоя роль здесь.

– Не смей, – голос Льер зазвенел, – не смей ко мне прикасаться, урод! Да я уже сто раз пожалела, что не сдала тебя отцу, там, в Ависии!

Ксеон рассмеялся. Его вело от ощущения горячего тела рядом, от осознания, что их разделяет только одежда, и что Льер полностью в его власти. Полностью!

– Тебя надо наказать, – голос сделался хриплым, каждое слово царапало нёбо, – я хочу покорную королеву, Льер. Женщину, которая будет делать то, что я велю, а не интриговать за моей спиной. И я тебя научу быть покорной, поверь.

– Иди в жопу, Ксеон, – огрызнулась она.

Но в голосе был страх. Ксеон прикусил тонкую мочку уха, поиграл языком с маленькой золотой сережкой.

– Не смей! – взвизгнула она, – не...

– Ты же хочешь быть королевой, – он рассмеялся, – а ведь быть королевой значит быть моей женой и рожать мне детей. Разве нет?

Свободной рукой он схватил ее за волосы и легонько приложил лицом о стол. Льер вскрикнула, все еще пытаясь вырваться. Ксеон прижал ее своим телом, быстро огляделся, но как назло в кабинете не было ровным счетом ничего, чем можно было бы связать ненаследную принцессу. Взгляд зацепился за хлыст, тот самый отцовский хлыст, которым король лупил механоидов, а заодно и собственного старшего сына.

– Я тебя научу быть покорной, – прохрипел Ксеон.

Не разжимая пальцев, он за волосы подтащил хрипящую, всхлипывающую Льер к дивану, швырнул ее лицом вниз и одним движением разорвал на спине платье.

– Нееееет! – взвыла она.

Кажется, поняла наконец, что шутки закончились, и что имеет дело с королем, а не с мальчишкой, который будет терпеть ее выходки.

Хлыст удобно лег в руку. Короткий свист воздуха – и по белоснежной спине пролегла багровая полоска. И еще.

Он продолжал держать Льер за шею, вжимая голову в подушку. Она вскрикивала в голос, дергалась всем телом под ударами. Ксеон и бил-то далеко не в полную силу, так, проучить... а кожа у принцессы оказалась слишком нежной, слишком тонкой.

— Хватит с тебя, — выдохнул он, отбрасывая хлыст, — пока пять ударов, чтобы понимала, что можно говорить королю, а что — нет.

Она с трудом повернула голову, со свистом выдохнула:

— Какой же ты ублюдок... чтоб ты сдох!

— Видимо, мало, — подытожил Ксеон.

Потянулся к хлысту, но затем остановился. Прислушался к себе.

Теперь, глядя на обнаженную и исчерканную кровоточащими полосами спину, хотелось уже другого. И, не видя к тому никаких препятствий, он решительно перевернул Льер на спину и задрал ей подол. От вида ее искусанных в кровь губ и заплаканных глаз в абриджах стало невыносимо тесно. Ксеон дернул спереди корсет, затем нижнюю сорочку, обнажая совершенной формы грудь.

Льер молчала, мелко дрожала всем телом и молчала. Только ненависть во взгляде, от которой еще больше хочется взять, заклеить эту непокорную и своенравную женщину.

— Ты поняла, как себя вести? — прошептал он, завороченно глядя на розовые бусинки сосков.

Она молчала, выжигая на нем клеймо одним только взглядом.

— Не слышу ответа. — Шелковые панталоны разорвались с раздражающе-громким треском.

Льер ничего не сказала. По щеке вниз потекла капля крови из прокушенной губы.

— Женщина должна быть покорной, Льер, — поучающе заметил Ксеон, расстегивая бриджи, — покорной. Ты понимаешь, что значит это слово? Молчишь? Тоже неплохо.

Она была совершенно сухой и узкой, но в этом тоже была немалая доля удовольствия. Покорять, подчинять. Поставить на место.

Льер лежала под ним неподвижно, как неживая, и не разжала губ, когда он слизывал с них солоноватую кровь. Льер молчала, когда он с силой вбивался в нее, делая своей, унижая, давя последние крохи гордости ненаследной принцессы. И не издала ни

звука,
когда он, задыхаясь и хрипя от острого удовольствия, придавил ее своим телом.

– Я хочу, чтобы ты запомнила этот урок, – наконец сказал он, приводя в порядок одежду, – иди к себе, встретимся за ужином. И запомни. Ты здесь не дома. И то, станешь ли ты королевой, полностью зависит от моей на то воли.

Льер ничего не ответила, и от этого ее молчания внезапно накатил тошнотворный, липкий ужас. Внутренности сжались в ледяной ком, во рту сделалось приторно-сладко.

«Да что со мной?» – он передернул плечами.

В самом деле.

Еще он бабы не боялся.

– Иди, – повторил он, не глядя на Льер.

Она бесшумно поднялась с дивана, одернула подол и, как была, с исхлестанной спиной, вышла прочь.

«Надо бы и Шана убрать, – подумал Ксеон, усаживаясь обратно в кресло, – а еще хорошего лекаря надо. Все-таки незачем портить такую красивую спину».

У Ксеона был на примете один очень одаренный лекарь.

Но вот беда, Ксеон не был уверен в его лояльности спустя пять лет после определенных событий.

Эльвина привезли к обеду, когда на королевский письменный стол уже был водружен серебряный поднос, а там – изящные канапе с ветчиной и оливками, сыры всех пород и мастей, какие только производились в королевстве, полупрозрачные ломтики вяленого мяса, исходящий ароматным соком стейк. Венчала все это великолепие бутылка красного эргерейского десятилетней выдержки.

По этикету нужно было обедать в Большой гостиной, но Ксеон, с наслаждением вытягивая ноги на пуфике, в который раз повторил себе, что он – король, и волен поступать так, как удобно. И плевать, что там по этому поводу написано в книге дворцового этикета.

Он плеснул себе вина, вдохнул свежий, немного терпкий аромат, который вобрал в себя и жаркие дни южных островов, и колкий ветер, что дует с заснеженных горных вершин, и запахи экзотических цветов, что цветут только душными ночами.
♠В этот момент в кабинет ввели Эльвина Лаверна.

Ксеон с интересом посмотрел на бывшего приятеля и самого верного последователя и сделал большой глоток. Эргерейское скользнуло вниз по пищеводу, оставив во рту

послевкусие жаркого лета и цветов. Прямо как Льер.

– Ваше величество, – Эльвин отвесил глубокий поклон по всем правилам, – я счастлив поздравить вас с началом правления. Да будет оно долгим и справедливым.

Ксеон еще раз оглядел мужчину. Весь вид Лаверна говорил о том, что дела у него полностью наладились: дорогая одежда, изящная булавка с крупным бриллиантом вколота в кружевное жабо, да и сам он как будто только что от куафера.

– Садись, Эльвин, – отбросив формальности, сказал Ксеон, – я тоже рад тебя видеть в добром здравии. Сейчас ты выглядишь куда лучше, чем в замке Энц.

Он взял второй бокал, налил вина и протянул тому, кто раньше был верным другом.

Кем он будет теперь? Вот ведь вопрос...

Между тем Эльвин присел на край кресла, взял бокал, посмотрел сквозь вино на свет.

– Эргерейское?

– Разумеется. Помнишь, мы ведь его вместе пили, – Ксеон доброжелательно улыбнулся, – тебя, выходит, отпустили из замка Энц сразу же, как я сбежал?

Эльвин пригубил из своего бокала, посмотрел задумчиво.

– Почему спрашиваете, ваше величество? Вы ведь и без того все знаете. Наверняка ведь это было первым, чем вы заинтересовались...

Ксеон взял канapé, затем подвинул блюдо к Эльвину.

– Угощайся. И как тебе... быть агентом инквизиции?

По лицу Лаверна скользнула едва заметная тень. Он одним большим глотком осушил бокал, покрутил в пальцах хрустальную витую ножку, и ответил, не глядя в лицо.

– У меня, ваше величество, тогда был выбор: либо дальше гнить в тюрьме, либо сделать вид, что согласился. Впрочем, лично вам не было никакого вреда от того, что я работал на инквизицию. Так что не стоит меня упрекать в том, что я променял вонючую клетку на более-менее приемлемые условия жизни.

– Понимаю, – протянул Ксеон.

Ему очень хотелось доверять Эльвину. Ведь Лаверн был одним из немногих, что всегда поддерживал его, Ксеона, идеи. Даже ту, блажную, о равенстве механоидов и людей, которая была придумана специально для таких вот восторженных мечтателей с горячим

сердцем и полным отсутствием мозгов. Эльвин тогда без особых раздумий пошел за ним, прикрывал спину. Но не повезло, попался в когтистые лапы инквизиции.

– Ты по-прежнему предан мне? – спросил Ксеон, – видишь ли... твое сотрудничество с инквизицией... Может, теперь ты полагаешь, что я во всем был неправ?

– Мы ведь говорили с вами в замке Энц, – Эльвин взял ломтик сыра, – еще тогда я сказал вам, что не изменил своей точки зрения на мироустройство. И теперь, когда вы стали королем Рехши, я буду надеяться на то, что механоиды перестанут быть бессловесными рабами, и что, коль скоро мы даем им жизнь и сознание, мы обязаны дать им и свободу выбора.

Ксеон невольно улыбнулся. Все-таки нет ничего лучше, чем преданный тебе идиот.

– Это произойдет не сразу, – заметил он, – необходимо, чтобы народ Рехши был готов к этому. Ну и потом, нужно будет дать механоидам место, где бы они могли жить. На это тоже потребуется время.

♠В голубых глазах Эльвина блеснул искренний восторг.

– Ради этого я готов на многое, ваше величество, – пробормотал он, – мне хочется, чтобы вы мне верили. Да, я был агентом инквизиции, но в душе...

– Наши души темны даже для нас самих, – сказал Ксеон, разливая вино по бокалам, – давай выпьем, мой преданный друг, за новые дела и за завершение старых.

Эргерейское таило в себе всю прелесть южных ночей, и Ксеон поймал себя на том, что непозволительно размяк и расслабился. А вот Эльвин – наоборот, сидел прямо, преданно заглядывал в глаза, но вместе с тем Ксеон так и не мог быть уверенным в том, что Лаверн в самом деле по-прежнему жаждет свободы механоидам.

Это ж каким дураком надо быть, чтобы верить в такие сказки?

Лаверн же производил впечатление человека неглупого.

Может быть, познакомить его с арсеналом инквизиции и ведением допроса?

Ксеон задумался. Да, конечно, Эльвина можно скрутить, жечь его каленым железом и клещами вытянуть правду. Но после этого – если он все-таки сейчас говорит правду – сложно будет вести речь о лояльности.

И тут Ксеону пришла в голову замечательная идея.

– Послушай, Эльвин, – сказал он, – до меня дошли слухи, что мастер Нирс успел жениться до того, как случайно погиб на полигоне.

– Да, это так, – Лаверн сдержанно кивнул.

– Я хочу увидеть ту женщину, что ухитрилась пленить нашего инквизитора.

В глазах Эльвина скользнуло странное выражение, которое слишком уж походило на холодную, расчетливую ненависть.

– Я уже побывал в особняке мастера Нирса. Вдова пропала бесследно. Прислуга сбилась с ног, разыскивая ее по городу. Возможно, ее уже нет среди живых, – ответил Лаверн.

– Хм...

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/oliviya-shtern/vedma-s-serebryanoy-metkoy-kniga-2/>